

Книжные памятники. Реставрация и сохранность

УДК 783
ББК 85.313 (2)1

СОКРОВИЩНИЦА ДРЕВНЕРУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (О СОБРАНИИ ПЕВЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ МУЗЕЯ КНИГИ ГПНТБ СО РАН)

© Т. Г. Казанцева, 2009

*Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15*

Описана коллекция певческих рукописей ОРКиР ГПНТБ, которая является уникальным собранием памятников древнерусской музыкальной культуры.

Ключевые слова: древнерусская книжность в Сибири, археография, русская музыкальная медиэвистика, крюковые певческие рукописи.

The collection of singing manuscripts in the Rare books and manuscripts department of SPSTL BS RAS, which is a unique collection of memorials of ancient Russian musical culture, is described.

Key words: ancient Russian books, Siberia, archeography, Russian musical mediavistics.

Певческие рукописи знаменной нотации известны достаточно узкому кругу специалистов. Они являются предметом исследовательского интереса только для музыковедов-древников и, пожалуй, лингвистов, занимающихся изучением вопросов эволюции звукового состава древнерусского и старославянского языков. Между тем певческие книги отражают важнейшую составляющую не только древнерусской, но и общеправославной духовной культуры. Русское церковное пение, зафиксированное в музыкальных памятниках с помощью особой системы знаков – знамен или крюков, имеет вековую укорененность в традиции византийского богослужения и составляет одну из уникальных ветвей единого культурного древа, наряду с собственно греческой, а также болгарской, сербской и, вероятно, грузинской и армянской.

Значение феномена византийского богослужения для формирования отечественной культуры трудно переоценить, если учесть, что оно было далеко не периферийным фактором, определившим выбор нашими предками в конце X в. восточно-христианского вероучения. Благодаря труду Нестора-летописца до нас дошли сведения о посольстве, направленном Владимиром Святославичем в Византию для «испытания вер». Возвратившись из Константинополя, послы поведали своему князю: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и

рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать» [1].

Можно предположить, что на русичей произвели впечатление монументальность архитектуры Софийского собора, пышность и великолепие его внутреннего убранства, но нельзя забывать, что служба пелась – иной формы произнесения молитвенного текста в православии просто не существует. И если учесть, что служба шла на греческом языке, то следует признать, что не в словах, а именно в пении – строгом унисоне мужских голосов, подобном звучанию Небесных Сил, открылась для русских послов истина православной веры.

Итак, вместе с верой и обрядом Древняя Русь принимает и византийское богослужение, по сути, чуждое музыкальному строю и ладовой организации русской песенности и славянскому интонационному мышлению в целом. Память о византийских корнях до настоящего времени сохранилась в грецизированных названиях богослужбных книг – Кондакарь, Стихирарь, Октоих, Ирмологий, Триодь и певческих жанров – ирмос, стихира, кондак, канон. Византийское происхождение имеет и сама музыкальная организация русской православной службы, основанная на системе восьми церковных ладов, еженедельно сменяющих друг друга. В названии этой системы используется как собственно греческий вариант –

Октоихос, так и его русскоязычный эквивалент – Осмогласие.

Однако с течением времени византийские напевы, приспособиваясь к новой культуре, к русскому интонационному мышлению, изменялись, все более и более приобретая черты, характерные для национальной музыкальной традиции. И в середине XVII в. один из составителей певческого сборника уже пишет, что «во всех греческих странах и в Палестине, и во всех великих обителях пение отлично от нашего пения, подобно мусикийскому, еже и мы грешные у многих грек спрашивали и слышали, как они поют» [2]. Так постепенно сложилось самобытное, уникальное явление – русский знаменный распев.

Формированию отечественной традиции церковного пения немало способствовала деятельность монахов – составителей новых напевов, или просто переписчиков. Так, в период от конца XI в., когда стали появляться первые пергаменные певческие книги, и до середины XVII в., когда это искусство уже пережило свой наивысший расцвет, в келейном уединении и молитвенном трезвении русские иноки создали тысячи, десятки тысяч певческих рукописей, наполнивших первоначально обширные монастырские библиотеки, а затем, в силу различных причин, оказавшихся в фондах государственных книгохранилищ и в частных коллекциях.

Одним из таких собраний является собрание отдела редких книг и рукописей (ОРКиР) Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН). Его основу составили рукописи, находящиеся в составе библиотеки академика М. Н. Тихомирова, переданной им в дар вновь открывшемуся сибирскому книгохранилищу в 1967 г. [3]. В последующие годы коллекция значительно пополнилась, благодаря активной собирательской деятельности новосибирских археографов, и на сегодняшний день включает более ста рукописных памятников.

На первый взгляд, собрание ОРКиР ГПНТБ СО РАН довольно скромно. Оно не может сравниться по масштабам с коллекциями столичных книгохранилищ, имеющих в своих фондах целые библиотеки крупнейших русских обителей – Кирилло-Белозерской, Соловецкой, Троице-Сергиевой лавры. Нет в нем и древнейших пергаменных раритетов XI–XII в., которыми в единичных экземплярах располагают те же собрания европейских центров России: самые ранние списки, имеющиеся в собрании, датируются 40-ми гг. XVI в. И все же сибирское собрание певческих книг по-своему уникально. Прежде всего, оно уникально своей региональной «привязкой». Большинство рукописей собрания не просто связаны своим происхождением

или пребыванием с Сибирью, они являются неотъемлемой частью ее истории и культуры.

Певческие рукописи появились здесь вместе с первопроходцами. Позднее их привозило в Сибирь не одно поколение переселенцев. По традиции того времени владельцы иногда помещали на полях рукописей свои именные записи, отметки о дарении или вкладе книги в ту или иную обитель или храм. Зачастую в маргиналиях фиксировался факт купли-продажи книги, что служило своеобразным финансово-юридическим документом, устанавливавшим смену владельца книжного раритета. Иногда, напротив, владелец оставлял своеобразное завещание наследникам, запрещавшее продавать семейную реликвию.

Так, древнейшие певческие книги собрания ГПНТБ СО РАН донесли до нас имена Федора Семенова из деревни Сполутова, «из попов», владельца Ирмология, созданного в первой половине XVI в. [4]; соборного попа Петра Родионова из города Козельска, которому принадлежала книга Праздники второй половины XVII в. [5] и др. На нескольких листах певческой Триоди XVII в. сохранились следы полистовой скрепы, содержание которой частично реконструируется следующим образом: «...и триодь цветная повсядневная и воскресная... 156-го (1648) году на великой реке Лене в Якутском остроге...» [6]. Речь в записи идет о купле-продаже данного кодекса, но обращает на себя внимание, прежде всего, место и время осуществившейся «сделки». В 40-х гг. XVII в. Якутский острог представлял собой небольшое поселение – несколько десятков казаков, находивших здесь приют на время выполнения определенного «государева» задания¹. В этих условиях показателен сам факт привоза из России в Сибирь именно певческой книги, которой могли воспользоваться только профессионалы, и тем более ее востребованность в столь демократичной среде. Современного человека не может не удивлять то обстоятельство, что книги узкоцехового назначения, содержание которых было доступно очень ограниченному кругу лиц, в таком количестве появлялись в этом отдаленном, совершенно неосвоенном в то время регионе. Кто были их владельцы? Простые казаки, землепроходцы, служилые люди? Вероятнее всего, это были священники или, по меньшей мере, люди, непосредственно связанные с церковным причтом, так как певческие книги были необходимы прежде всего для осуществления богослужений. В конечном итоге частная принадлежность этих книг не столь важна. Главное, что такого рода кодексы были востребованы,

¹ Содержание данной записи было великолепно проинтерпретировано заведующим ОРКиР ГПНТБ СО РАН В. Н. Алексеевым в одном из устных выступлений.

составляли неотъемлемую часть непростого обихода первопоселенцев, были важнейшей составляющей их духовной жизни.

Другой особенностью певческих книг собрания является принадлежность большинства из них к периоду XVIII–XX вв. Иными словами, эти списки были созданы после того, как породившая их культура знаменного роспева официально прекратила свое существование. Причиной культурной переориентации на новые музыкальные формы богослужебного пения так или иначе послужила реформа Русской православной церкви, осуществленная в середине XVII в. Наряду с обрядовыми нововведениями, пореформенная церковь постепенно принимает для себя в качестве канонически допустимого так называемое киевское партесное (многоголосное) пение, основанное на западно-европейских принципах ладовой организации (мажоро-минор вместо восьми церковных ладов) в соответствующей пятилинейной нотации. Во второй половине XVII в. две системы богослужебного пения сосуществовали, точнее, соперничали в русском богослужении. Среди представителей пореформенной церкви оставалось много сторонников знаменного пения. Одним из них был выдающийся музыкальный теоретик второй половины XVII в., справщик Московского печатного двора Александр Мезенец. К примирительному компромиссу двух систем призывал архимандрит Макариевского Желтоводского монастыря Тихон, известный как автор одной из редакций «Степенной книги». Многие обитатели еще долгое время практиковали знаменный распев, создавая местные его изводы. Но постепенно древняя культура унисонного пения окончательно уступила место партесу, знаменные распев ушел в сферу культурной периферии, сохранившись в наиболее простых, мелодически обедненных формах и, конечно, в переводе на пятилинейную нотацию.

Но древнее певческое искусство не прекратило полностью своего существования. Его живую традицию донесли до наших дней староверы. Решительно отвергнув реформаторские нововведения, русское старообрядчество сохранило и по-своему претворило в новых исторических условиях многие культовые и бытовые традиции русского средневековья – обрядность, книжность, архитектурный и иконописный канон, наконец, само певческое оформление богослужения. Сохранив знаменное пение, старообрядцы сберегли и прежнюю форму его записи, используя вплоть до начала XX в. (времени первых многотиражных печатных изданий) рукописный способ производства певческих книг. Поэтому только благодаря староверам мы сегодня имеем исчерпывающее представление о том, как когда-то звучал этот торжественный и возвышенный церковный распев.

Урал и Сибирь старообрядцы осваивали несколькими миграционными волнами. Первые старообрядческие поселения появляются здесь уже с конца XVII в., они основываются прежде всего притесняемыми беглецами-одиночками из европейской части России. Несколько массовых переселений староверов в Сибирь относится к разным десятилетиям XVIII в. Они происходили, как правило, после разгромов крупнейших старообрядческих центров – Керженца, а затем Ветки. Последняя масштабная миграционная волна в начале XX в. была обусловлена Столыпинской реформой. Постепенно старообрядчество освоило весьма обширные территории Западной и Восточной Сибири, сформировав здесь достаточно компактные, а иногда и изолированные от «мира» поселения.

Глубокая религиозность этой части русского населения, его особое отношение к древней дораскольской книге как основному вероучительному авторитету обусловили сосредоточение в Урало-Сибирском регионе огромного числа старопечатных и рукописных книг, где наряду с книгами Священного Писания, служебной, полемической и четьей литературой оказалось немало певческих крюковых сборников.

Судя по составу фондов ГПНТБ СО РАН, старообрядческие крюковые рукописи в их территориальном отношении к Сибири делятся на три основные категории. Часть из них была привезена староверами с прежних мест поселения; другие книги приобретались позже, следующими поколениями старообрядцев-сибиряков; наконец, в собрании есть рукописи, непосредственно созданные в Урало-Сибирском регионе. Можно предположить, что к первой категории памятников относятся наиболее древние списки. Однако это не вполне верно и объясняется хронологически широкими границами самого заселения староверами новых территорий на востоке страны.

Немногочисленные владельческие записи помогают частично восстановить географию европейских центров старообрядчества, откуда вместе с владельцами в Сибирь прибывали певческие книги. Так, один из Октоихов второго десятилетия XIX в., принадлежавший лужковскому мещанину Аврааму Боброву [7], по своему происхождению, очевидно, относится к одному из наиболее мощных старообрядческих центров на западных рубежах России – Ветковско-Стародубскому (ныне Брянская область), среди старообрядческих населенных пунктов которого упоминаются, в том числе, и Лужки. На одном из листов Праздников, переписанных в 40-х гг. XVIII в., имеется запись о том, что в свое время эту книгу переплетал Федор Быстров, «из купцов», житель Дубовского посада г. Царицына Саратовской губернии. Запись же на другом листе рукописи свидетельствует, что его

потомок Александр Быстров через сто лет после создания «богодуховенной книги» изготавливает для нее новый переплет, будучи уже не жителем Поволжья, а поселенцем «Устканской волости Малоустканского селения», что, вероятно, на Алтае [8].

В более позднее время певческие книги приобретались староверами-сибиряками в основном в крупных центрах, прежде всего в Москве. На форзацном листе одной из рукописей начала XIX в. читаем: «Сия книга, глаголемая Октай певчий, Тарбагатайской слободы крестьянина, куплена в царствующем граде Москве в 1812 году, февраля 15 числа. Двадцать рублей» [9]. Аналогичная запись размещена на форзаце другой певческой книги XIX в.: «Сия книга Праздники Романа Мироновича Аленникова куплена в Москве за 22 рубля. С. Бичура 1889, декабря» [10].

С появлением Транссибирской железнодорожной магистрали книги стали получать по почте. О такой форме приобретения необходимой духовной литературы свидетельствует почтовый штемпель на листах одного из певческих Октоихов с Обиходом рубежа XIX–XX вв.: «В Забайкальскую область, Мухоршибирская почтовая станция, село Новый Заган, Ивану Савельевичу Иванову» [11].

Москва была основным местом приобретения певческих книг для староверов-поповцев и часовенных. Сами же рукописи создавались в селе Гуслицы Богородского уезда Московской губернии, где к этому времени возникли многочисленные артели, «в несколько рук» выпускавшие до 100 экз. певческих книг в год [12]. Книги, переписанные в Гуслицах, отличает особая торжественность внешнего оформления и внутреннего декора. Это книги большого формата, облаченные в переплет, изготовленный из тонких досок, обтянутых кожей. Кожа переплета украшалась простым или золотым тиснением, обрезы некоторых книг орнаментировались и также покрывались тонким слоем золота. Для орнамента, используемого в рукописях, характерны конструкции из широколистных трав, яркость красок и обилие золота. Обращает на себя внимание стремление гуслицких мастеров придать объемность изображению при помощи штриховки. По названию села сформировавшийся стиль художественного оформления получил наименование гуслицкого.

Староверы-беспоповцы (поморцы, федосеевцы, филипповцы) пользовались другими книгами. Беспоповское направление в сфере церковного пения ориентировалось на сохранение наиболее архаичных традиций. Беспоповские певческие рукописи содержат древнюю редакцию текста, сохраняющую раздельноречие – огласовку редуцированных гласных ъ и ь. Нотация содержит киноварные пометы, но не имеет более поздних по про-

исхождению признаков, используемых в книгах старообрядцев-поповцев и часовенных. Тип книжного оформления беспоповской традиции получил название поморского, по наименованию одного из наиболее авторитетных беспоповских согласий.

Поморская школа книжного письма сформировалась в центре раннего беспоповского старообрядчества – Выго-Лексинском монастыре в конце XVII – начале XVIII в. Поморский стиль возник на основе «московского барокко» второй половины XVII в. и представляет собой растительно-геометрический орнамент, сочетающий небольшие витиеватые с прорезями элементы узколистных растений с цветами и северными ягодами, выполненный в благородных тонах с преобладанием бордового цвета и золота.

Что же касается рукописей, созданных непосредственно в Урало-Сибирском регионе, то выделить их среди массы других – непростая задача. Дело в том, что местные переписчики во всем стремились к точному воспроизведению книжного канона, сложившегося в скрипториях крупных старообрядческих центров. Не исчерпывающими, но важными приметами здесь могут служить лишь более скромное внешнее оформление кодекса, наивная имитация гуслицкого или поморского стиля в характере внутреннего декорирования либо полное отсутствие украшений, менее профессиональная каллиграфия крюкового текста. Немаловажное значение в атрибуции урало-сибирских певческих книг имеют внемузыкальные факторы, а именно исторические сведения о тех или иных книжных центрах региона. Наличие на Урале и в Сибири местных скрипториев – факт общеизвестный. Они существовали вплоть до конца прошлого века; работу одного из таких скрипториев лично наблюдал, а затем описал академик Н. Н. Покровский [13]. Историком и искусствоведом Н. П. Парфентьевым достаточно подробно описана уральская традиция книжного письма, в том числе и музыкального [14]. Известен также факт, что в далеком Забайкалье в конце XIX – начале XX в. трудился профессиональный переписчик нотных книг Иван Иванович Слепенков, «уроженец села Куйтун Верхне-Удинского уезда Забайкальской области, получивший профессиональные навыки писца в знаменитых Гуслицах и имевший в Забайкалье своих учеников.

Но все эти знания – только косвенные свидетельства и ориентиры на пути территориальной атрибуции урало-сибирских певческих кодексов. Лишь незначительная часть памятников обладает приметами, позволяющими точно установить их принадлежность к местной школе книжного письма. Такой приметой, например, является бумага производства уральской мануфактуры, на которой написана одна из певческих Азбук собрания [15].

Но в целом каждый памятник предположительно урало-сибирского происхождения требует тщательного палеографического и искусствоведческого исследования, после чего можно будет ставить вопрос о сибирской региональной традиции музыкальной письменности. Все это свидетельствует о том, что коллекция певческих книг ОРКиР ГПНТБ СО РАН представляет собой обширное поле деятельности не только для музыковедов, но и для специалистов самого разного профиля.

Список литературы

1. Повесть временных лет / Рос. акад. наук ; подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – 3-е изд. – СПб. : Наука, 2007. – С. 186. – (Лит. памятники).
2. Предисловие, откуда и от коего времени начая быти в нашей рустей земли осмогласное пение, и от коего времени, и от кого пошло на оба лики пети в церкви // Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков. – М. : Музыка, 1973. – С. 41.
3. Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей / отв. ред. Н. Н. Покровский. – М. : Наука, 1968. – 194 с.
4. Ирмологий. – Крюковая рукоп. первой половины XVI в. / Отд. ред. кн. и рукоп. Гос. публич. науч.-техн. б-ки Сиб. отд. Рос. акад. наук (далее ОРКиР ГПНТБ СО РАН), О.1.2.
5. Праздники. – Крюковая рукоп. второй половины XVII в. / ОРКиР ГПНТБ СО РАН, О.1.4.
6. Триодь постная и цветная. – Крюковая рукоп. 40-х годов XVII в. / ОРКиР ГПНТБ СО РАН, Q.1.11.
7. Октоих и песнопения Обихода. – Конволют крюковых рукоп. 10-х гг. XIX в., л. 73 об. / ОРКиР ГПНТБ СО РАН, F.III.24.
8. Праздники. – Крюковая рукоп. 40-х гг. XVIII в., л. 138 об., I (форзац.) / ОРКиР ГПНТБ СО РАН, Q.III.42.
9. Октоих и Обиход. – Крюковая рукоп. первого десятилетия XIX в., л. послед., форзац. / ОРКиР ГПНТБ СО РАН, F.III.10.
10. Праздники. – Крюковая рукоп. 30-х гг. XIX в., л. 178 / ОРКиР ГПНТБ СО РАН, F.III.2.
11. Октоих и Обиход. – Крюковая рукоп. конца XIX – нач. XX в., л. 1 / ОРКиР ГПНТБ СО РАН, F.III.35.
12. Бобков Е. А. Певческие рукописи гуслицкого письма // Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII вв. – Л., 1977. – С. 338–394.
13. Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. – 3-е изд., доп. и перераб. – Новосибирск : Сова, 2005. – С. 10–39.
14. Парфентьев Н. П. Традиции и памятники древнерусской музыкально-письменной культуры на Урале (XVI–XX вв.). – Челябинск, 1994. – 446 с.
15. ОРКиР ГПНТБ СО РАН, Q.1.27. Азбука певческая: : Крюковая рукоп. конца XIX в.

Материал поступил в редакцию 19.09.2008 г.

Сведения об авторе: *Казанцева Татьяна Генриховна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела редких книг и рукописей, доцент кафедры истории музыки Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, тел.: (383) 266-10-91, e-mail: rk@spsl.nsc.ru*